

Вячеслав Карпенко

Председатель Калининградского ПЕН-центра

БОЛЬ ПАМЯТИ И ПАМЯТЬ БОЛИ

Жангожа (Джангужин) Рустем. Код Роллана Сейсенбаева. – Алматы: Международный клуб Абая, 2013. – 176 с.

Быть может, покажется странным, но начать свои мысли (эссе, размышление, предисловие) о книге Рустема Джангужина «Код» Роллана Сейсенбаева мне хочется именно с последней, заключительной главы. Главы-интервью, или, скорее, беседы писателя и критика-философа. Как станет понятным читателю, этот диалог творца и мыслителя продолжителен во времени и далеко не закончен. Ибо ответы на вопросы, что задаёт жизнь и которыми болен автор рассказов, повестей и романов, не могут быть однозначными, как не могут иссякнуть в этом так стремительно меняющемся мире. Ведь искусство, и литература в частности, если это не «развлекаловка на потребу» или гламур, – всегда и прежде всего – боль, сострадание, сомнение. И поиск – прежде всего себя, как явленности в этом космосе природы и бытия. Как частицы, пусть малой, того племени, что нарекло себя *Homo sapiens* – Человеком разумным – всегда единственной, но отражающей в себе весь спектр чувств, опыта и заблуждений целого.

Кто мы? Откуда? И – куда?..

Мне повезло: и философа Рустема Джангужина, и писателя Роллана Сейсембаева знаю уже не один десяток лет, хоть и разделяют нас теперь сотни, а то и тысячи километров. А с Ролланом у нас ещё и одна *Alma Mater* – Высшие литературные курсы, в которые пришли уже пожившими людьми, пусть и в разное время, но надышавшиеся одним московским воздухом. И, слава богам, не заразившимися тамошним снобизмом...

Состоявшийся между ними диалог предстает собой не только продолжение мыслей критика о творчестве писателя, но и выражение той озабоченности состоянием культуры, положения и назначения писателя в обществе, а – главное – что же происходит в этом мире стремительной глобализации, грозящей обезличиванием, нивелировкой не только государственных институтов, но исчезновением самобытности нации, забвением или сменой традиционных нравственных, этических и эстетических векторов, складывавшихся веками в каждом народе до сохранения его единства и противостояния природным и общественным катаклизмам.

Собственно, этому посвящено творчество Роллана Сейсенбаева, особенно пристально и тревожно выраженное в последних романах «Трон сатаны» и «Мёртвые бродят в песках». Об этом же на основе произведений писателя, размышляет в предлагаемой читателю книге Рустем Джангужин.

Трагедия Арала, чёрные следы Семипалатинского полигона, как и грибы над Хиросимой или печи Освенцима, появляются на теле Мироздания ведь не без участия того самого народа, о котором страждет любой настоящий художник.

Удивительно, научная и техническая революция конца 19-го и двадцатого века, казалось бы, открыли пути к освобождению человека от забот о выживании, путь для осмысления

окружающего мира и своего места в нём. Путь к гармонии, которой чаяли древние мудрецы Греции. И который пробудил романтизм Абая (да и многих философов, представлявших разные народы), увидевшего в этом освобождении и «приобщении к новым образовательным стандартам» светлые перспективы для своего народа.

Однако переход от традиционного уклада и отказ от накопленной поколениями кочевой культуры оказался не просто болезненным, но и чреватым утратой нацией своей самобытности, а в итоге – растворения в чужой культуре. Если то, что захватывает ныне, начиная с середины прошлого века, мир, можно вообще называть культурой.

Почти осязаемая власть над природой новой техногенной цивилизации стремительно стала менять само мироощущение человека. Возомнив себя «венцом» природы, «хозяином», Homo Faber (работающий, производящий), утрачивает понимание, что венец должен что-то венчать. Что противопоставляя себя Природе, Космосу, он нарушает предполагаемую гармонию, для которой ему был дан разум, подрубая, в конечном счёте, тот сук, на который взобрался.

Ещё более полувека назад Римский клуб – объединение западных интеллектуалов и учёных – всерьёз заговорил об угрозе разматывающегося маховика всеобщего потребления, ведущего человечество к пропасти. Кроме вымечтанного освобождения человека от борьбы за существования новая цивилизация принесла с собой немислимое доселе властвование над расстояниями, способами жизнесуществования и... умами. Тоталитарное воздействие на разум средствами массовой коммуникации (читай, ангажированности) и пр., активно осуществляет перекодировку сознания в соответствии с конъюнктурой рынка матрицами, благодаря чему всё, произведенное человеком от иголки с ниткой, до Слова, музыкальной композиции, мазка художника приобретает все свойства товара. В первую очередь, культура, ориентированная тем же рынком на «массового потребителя». Внедряемый инстинкт потребления становится уже безусловным рефлексом, рождающим хищничество уже и по отношению к биосфере, а стирание культурных граней неминуемо ведёт к обесцениванию самой жизни, также подлежащей рыночной оценке.

Провидческие авторы антиутопий (Замятин, Хаксли, Оруэлл) нарисовали картины «всеобщего счастья» по распределению, превращающего личность в управляемый аппарат, в манкурта. Это – перспектива, если...

Вот этим «если» и озабочен писатель Роллан Сейсембаев, произведении которого открыли возможность критику и философу Рустему Джангужину осмыслить путь освободившегося (отчего? и ради чего?) казахского народа. Восторг нуворишей, стремящихся к полному раскрепощению в удовольствии или – части единого общего, задумывающегося о вечности через своих детей и внуков, вооружённых для продолжения жизни понятиями достоинства, чести, любви, сострадания – ответственности за будущее...

На мой взгляд, полное преодоление номадизма и такое резкое вхождение в «цивилизацию» несёт в себе для нации неминуемую катастрофу, ведущую к маргинализации к утрате собственного «лица необщего выражения» и как итог – растворения в подобии подобных... Это, кстати, грозит и России, в которой столь активно и агрессивно всеми средствами информации прокламируются и внедряются новые стандарты и ориентиры, разогревающие азарт потребления, как правильно отмечают наши авторы в диалоге, почти эротическое пристрастие к «востребованному товару». В итоге товаром и «продуктом» становится сама душа человека.

Следует помнить, что традиционная культура всякого народа несла в себе выработанную поколениями этику общественных и межличностных взаимоотношений, начиная с семьи. В степи ли, в тайге ли, на Севере ли, да где угодно, где человек оставался наедине с природой, действовал единый закон, «открытой ладони»: вне осознания обязательной помощи путнику выжить невозможно, ибо завтра ты можешь оказаться столь же нуждающимся в поддержке. Ты можешь зайти в зимовье охотника и пользоваться заготовленными там припасами, но, уходя, оставь дрова и всё необходимое, что может спасти позже другого.

Старательно мы наблюдаем свет,
Старательно людей мы наблюдаем
И чудеса постигнуть уповаем:
Какой же плод науки долгих лет?

Что, наконец, посмотрят очи зорки?
Что, наконец, поймёт надменный ум
На высоте всех опытов и дум,
Что? Точный смысл народной поговорки.
(Е. Баратынский, 1835 г.)

Вот эта память и связь с духом предков, ощущение себя частью Мироздания и ответственным за него, как определил поэт и мыслитель Олжас Сулейменов «планетарное сознание», подменяется новыми понятиями индивидуального наслаждения, фетишами вещей и модой, диктуемой рынком.

Романы Роллана Сейсенбаева – это чтение для уважающего себя человека, который в состоянии и сам вести диалог с писателем, что-то принимая, что-то оспаривая. Надо сказать, что любой художник – писатель, живописец, композитор, артист – ждёт в читателе, зрителе, слушателе соавтора, могущего разделить боль и радость, вложенные в произведение. И даже отрицая для себя – принять в душу те творческие муки и сомнения, что неминуемо ведут автора к самосожжению в огне данного провидением Дара.

И здесь мне хотелось бы оспорить сомнение рецензента в закономерности трагического финала романа «Мёртвые бродят в песках», гибели Гахрамана. Писатель вовсе не всегда волен вмешиваться и изменять логику поведения героя: давая ему жить на страницах книги, автор становится своеобразным соглядатаем жизни персонажа, характер которого, как и обстоятельства, в которых происходит действие, уже начинают жить своим пульсом и скорее диктуют автору естественный ход событий. Да, герои Сейсенбаева категоричны, даже порой максималистичны в своих суждениях и действиях, неизбежно ведущих к трагическому финалу. Но это ведь трагедия не только героя, уничтожающего себя, а с собой и мир, который создаёт условия катастрофы личности. И читатель (как и автор ведь!) становится соучастником этой мировой катастрофы. Катарсис, неминуемо происходящий в душе здорового читателя-зрителя, будит ту Совесть, которую Достоевский назвал «отражением божьего в человеке». И желание вмешаться не в действие романа, но – в переустройство этого оподленного человеком мира...

Книга Рустема Джангужина, осмысливающая сложный космос произведений Роллана Сейсенбаева, открывает читателю не только тексты, но и те вопросы, что всегда ставит художник. И здесь я позволю себе не согласиться с критиком Утрата интереса к поиску истины, осознанию себя самоё через вдохновение художника, неминуемо ведёт к деградации личности. А народ, нация ведь и состоит из личностей, и её, нации, здоровье, как и само бытие, как раз от деяний этих личностей зависит. И хочется надеяться, что читатель раскроет эту книгу и – внимательно прочтя её – пристально взглянет в потаенные уголки своей души...

